

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 1, pp. 198–218, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-198-218

Типические места Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» как средство определения авторства сказителя

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mhbairta@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Манджиева Б. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* В отечественной фольклористике исследователями уделялось и уделяется наибольшее внимание изучению формульной природы языка традиционной эпической поэзии. Сложению эпической песни способствовало широкое использование идентично построенных, стилистически однотипных описаний и ситуаций, которые называются «типическими местами» (*loci communes*). *Цель и задачи.* Цель статьи заключается в определении авторства сказителя разных песен Малодербетовского цикла «Джангара». Для достижения цели решены следующие задачи: выявлены типические места Малодербетовского цикла, проведен сравнительный анализ типических мест прологов изучаемого цикла, рассмотрены типические места с аналогичными общими местами из других циклов и репертуаров джангарчи. *Метод.* Для определения авторства неизвестного сказителя Малодербетовского цикла мы применили методику, разработанную в отечественной фольклористике П. Д. Уховым для паспортизации былин. *Материалом исследования* являются тексты песен «Джангара» Малодербетовского и Багацохуровского циклов, а также тексты из эпических репертуаров джангарчи Ээлян Овла, Мукебюна Басангова, Давы Шавалиева, Насанки Балдырова, Бадмы Обушинова. *Выводы.* Типические места разных песен Малодербетовского цикла — это идентично построенные, стилистически однотипные описания, в которых и синтаксическое построение предложений, и описываемые детали, и формы частей речи совпадают, что подтверждает принадлежность текстов одному и тому же сказителю. Наше мнение подтверждается приведенными примерами типических мест из других циклов, которые отличаются не только стилистически и композиционно, но и описаниями объектов, действий, составом участников пира, их местоположением, а также количеством и несоответствием последовательности строк. Эти различия типических мест объясняются тем, что сказители являются представителями разных эпических школ и исполняют эпос в той традиционной форме, в какой был усвоен от предшественников. Таким образом, мы пришли к выводу, что разные песни Малодербетовского цикла исполнены одним и тем же сказителем или его учениками, имена которых, к сожалению, остались в забвении.

Ключевые слова: эпос «Джангар», сказитель, авторство, цикл, эпический репертуар, пролог, текст, типическое место

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Типические места Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» как средство определения авторства сказителя // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 198–218. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-198-218

Baga Dorbet Cycle of the Jangar Epic: Typical Passages as a Means to Identify the Tale-teller's Personality

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Mandzhieva B. B., 2021

Abstract. *Introduction.* Russian folklorists have tended — and still do — to focus on formula-type language patterns inherent to traditional epic poetry. The shaping of epic songs would be facilitated by the wide use of structurally identical and stylistically similar descriptions and situations referred to as loci communes ('typical passages'). *Goals.* The paper aims at identifying the personality of the tale-teller to have recited the Baga Dorbet (Russ. *Maloderbetovskiy*) cycle of the Jangar epic. With this in view, the work reveals typical passages of the Cycle, provides comparative insights into ones within prologues of the Cycle, compares the typical passages to similar elements from other cycles and individual repertoires. *Materials and Methods.* The study employs the methodology developed by P. D. Ukhov for the classification of Russian *bylinas*, and analyzes Jangar epic songs from the Baga Dorbet and Baga Tsokhor cycles, repertoires of such renown *jangarchis* as Elyan Ovla, Mukövün Basangov, Dava Shavaliyev, Nasanka Baldyrov, and Badma Obushinov. *Conclusions.* Typical passages of the Baga Dorbet cycle are structurally identical and stylistically homogenous descriptions where both syntactic patterns and described details and grammatical forms of parts of speech coincide which attests to that the texts were authored by (recorded from) one and the same tale-teller. The opinion is confirmed by the below given examples of typical passages from other cycles that differ not only in terms of style or structure, but the very depicted objects, events, participants of the feast, the seating chart of theirs, and even numbers and sequence of stanzas significantly vary. The differences are determined by that the tale-tellers were representing different epic performance traditions with certain narrative patterns inherited from their predecessors. The comparative analysis of typical passages from the Baga Dorbet cycle shows the tale-teller not only reproduces the once learnt song but rather creatively approaches every single performance maintaining standard elements of typical passages, modifies epic formulas employing synonyms, rearranging stanzas, reducing or adding details of descriptions, etc. This can be explained by that 'above all in epic memory is not the formula precisely and intactly articulated in words but the artistic content, the tale-teller (who) adheres to the framework of epic knowledge <...> (to) select one of the possible paths', since this epic knowledge is wider than the text recited. So, the study concludes the whole of the Baga Dorbet cycle was recorded from (authored by) one tale-teller and students whose names still remains unknown.

Keywords: Jangar epic, taleteller, authorship, cycle, epic repertoire, prologue, text, typical passage
Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (state reg. no. 075-15-2019-1879).

For citation: Mandzhieva B. B. Baga Dorbet Cycle of the Jangar Epic: Typical Passages as a Means to Identify the Taleteller’s Personality. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14(1): 198–218. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-198-218

Введение

В отечественной фольклористике исследователями уделялось и уделяется наибольшее внимание изучению формульной природы языка традиционной эпической поэзии. Сложению эпической песни способствовало широкое использование идентично построенных, стилистически однотипных описаний и ситуаций, которые называются «типическими местами» (*loci communes*).

Устойчивости традиционных формул в эпосе одним из первых уделил особое внимание крупнейший собиратель и исследователь русских былин А. Ф. Гильфердинг [*Онежские былины 1873*]. А. Ф. Гильфердинг, изучая технику русского былинного стиха, сделал вывод о присутствии в эпосе типических мест (*loci communes*), «которые, в отличие от „мест переходных“, с определенным сюжетом не связанных, предстают в одном и том же облике в самых различных былинах» [*Онежские былины 1873: 57*].

Вслед за А. Ф. Гильфердингом исследованию «общих мест» была посвящена работа русского ученого, фольклориста и собирателя былин В. Ф. Миллера, который в 1895 г. опубликовал статью «Русская былина, ее слагатели и исполнители» [*Миллер 1895*]. В. Ф. Миллер, изучая былины, обратил внимание на их зачин, по его мнению, «зачин мог принадлежать вначале одной былине или группе былин об одном богатыре. Затем, как мы видели, тот же зачин мог быть усвоен другим[и] былинам[и] как удобный исходный пункт для слагателя, имевшего в виду обделать в виде былины какой-нибудь новый сюжет <...> Помимо нескольких стереотипных зачинов, слага-

тель новой былины имеет перед собою целую массу старых эпических материалов, годных для новой постройки. Я говорю о давно установившихся описаниях, представляющих ряд передвижных картинок, которые могут быть расходуемы по мере надобности при каждом подходящем случае» [*Миллер 1895: 144*]. Исследования «общих мест» В. Ф. Миллера заложили основу нового направления в изучении поэтики былин.

В отечественной фольклористике появляются исследования, посвященные изучению поэтики героического эпоса. В свет выходят работы Н. П. Андреева [*Андреев 1938*], Б. М. Соколова [*Соколов 1929*], В. Я. Проппа [*Пропп 1954*], Ф. М. Селиванова [*Селиванов 1963*], А. М. Астаховой [*Астахова 1966*], П. Д. Ухова [*Ухов 1957; Ухов 1970*], В. М. Гацака [*Гацак 1971; Гацак 1989*], Б. Н. Путилова [*Путилов 1997*], Е. Н. Кузьминой [*Кузьмина 2000; Кузьмина 2001; Кузьмина 2005*] и др.

Типическое место представляет собой устойчивое поэтическое описание, которое может встречаться в разных песнях эпоса. П. Д. Ухов при анализе типических мест в былинах также использует термин «типическая формула» и практически не отделяет их друг от друга [*Ухов 1957: 134*]. «Поскольку типические формулы одного сказителя отличаются от типических формул всех других сказителей, а типические формулы этого сказителя являются специфичными для него и применяются во всех исполняемых им былинах, то эта закономерность может быть использована в качестве ключа для определения авторов (сказителей) былин» [*Ухов 1970: 109*].

Цель и задачи

Цель статьи заключается в определении авторства сказителя Малодербетовского цикла «Джангара», записанного в 1862 г. и состоящего из трех песен. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: выявлены типические места Малодербетовского цикла, проведен сравнительный анализ типических мест прологов и песен изучаемого цикла, рассмотренные типические места данного цикла сопоставлены с аналогичными общими местами из других циклов и эпических репертуаров джангарчи.

Метод и материал исследования

Для определения авторства неизвестного сказителя Малодербетовского цикла (1862 г.) мы применили методику, разработанную в отечественной фольклористике П. Д. Уховым для паспортизации былин [Ухов 1970]. Сравнительный анализ текста основывается на следующей закономерности, выявленной П. Д. Уховым: «если типические формулы одного произведения совпадают с типическими формулами другого произведения, то принадлежность их одному автору (сказителю) бесспорна» [Ухов 1970: 109].

Для изучения данного аспекта мы выделили типические места пролога Малодербетовского цикла, сравнили их между собой, а также привели в виде доказательства типические места из других циклов и эпических репертуаров, которые наглядно демонстрируют, что они стилистически не подходят к изучаемому циклу, потому как джангарчи относились к иным эпическим школам.

Материалом исследования являются тексты песен эпоса «Джангар» Малодербетовского и Багацохуровского циклов, а также тексты из эпических репертуаров джангарчи Ээлян Овла, Мукебюна Басангова, Давы Шавалиева, Насанки Балдырова, Бадмы Обушинова.

Анализ типических мест Малодербетовского цикла

Рукопись Голстунского с шифром Ху LQ544 датирована 9 августа 1862 г. Она хранится в рукописном фонде библиотеки Санкт-Петербургского университета и имеет заглавие «Догшин Шара Гюргю» («Свириный Шара Гюргю») [РО БВФ СПбГУ. *Calm C 4*]. Однако, как выяснилось, данное

название относится не ко всей рукописи, а лишь к одной песне. Эта первая запись оказалась самой качественной, следующие за ней еще две песни были зафиксированы без названия. А. Ш. Кичиков в 1978 г. при публикации Малодербетовского цикла в двухтомном издании «Жаңһр. Хальмг батрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть)» озаглавил эти две песни: «Ут Цаһан маңһсиг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как богдо Джангар мангаса Уту Цагана покорил») и «Күрл Эрднь маңһс хааг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил») [Жаңһр 1978, 1: 44, 91].

Каждая песня, как и первая, начинается развернутым прологом. Вероятно, из-за повторяющегося характера пролога вторая и третья песни были приняты за черновую запись песни «Догшин Шара Гюргю» и сначала не заинтересовали ученых, которым уже была известна публикация К. Ф. Голстунского, вышедшая в 1864 г. под названием «Догшин Шара Гүргүһин бөлг» [Догшин Шар Гүргүһин 1864].

Одной из важных задач в изучении песен Малодербетовского цикла является определение авторства сказителя, а именно: принадлежат ли все три текста одному джангарчи? Для изучения данного аспекта мы выделим типические места пролога в трех песнях Малодербетовского цикла и сравним их между собой.

Итак, Малодербетовский цикл «Джангара» предваряется вступительной частью, которую джангарчи называет «оршл» (пролог). Пролог является важной традиционной частью эпоса «Джангар», о чем свидетельствуют циклы и эпические репертуары: 1) Малодербетовский цикл (1862 г.), включающий три песни-поэмы; 2) Багацохуровский цикл (1853–1862 гг.) — 3 песни; 3) цикл Ээлян Овлы из 10 песен (1908 г.); 4) эпический репертуар джангарчи Давы Шавалиева из 4 песен (1939 г.); 5) песнь-поэма сказителя Насанки Балдырова; 6) песнь-поэма сказителя Бадмы Обушинова; 7) эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева из 10 песен (1970 г.).

В Малодербетовском цикле пролог в соответствии с сюжетно-композиционной структурой состоит из трех основных тем:

- 1) описание сооружения дворца;
- 2) описание страны;

3) описание празднования Цаган-Сар. Каждая тема в свою очередь состоит из более мелких частей, а именно подтем. Так, «Описание сооружения дворца» состоит из следующих подтем:

- а) место воздвижения дворца Джангара;
- б) описание деталей дворца;
- в) описание оберегательной функции дворца.

Тема «Описание страны» также состоит из более мелких частей — подтем:

- а) расположение белого *хурула*;
- б) магтал (восхваление) стране;
- в) эпическая биография Джангара;
- г) расположение ставок сайдов;
- д) описание горы и океана.

Тема «Описание празднования Цаган

Сар» состоит из таких подтем, как:

- а) прибытие богатырей на празднование;
- б) выделение героя Хонгора;
- в) местоположение богатырей;
- г) пир;
- д) клятва.

На основе анализа типических мест пролога можно выяснить, все ли тексты принадлежат одному сказителю. Для сравнения рассмотрим описание сооружения дворца.

Место воздвижения дворца

Приведем строки описания места воздвижения дворца в прологе «Песни о том, как богдо Джангар мангаса Уту Цагана покорил» (далее будет обозначаться как Пролог I):

Бумб дала дүүрн делдүлгсн,
Бас Замб тивэн дүүрн делдүлгсн,
Шикрлүһин адг дунд,
Шилтэ Зандн һолын цутхлнд,
Арта арвн хойр һолын цутхлнд,
Өргн Шарт далан көвэд,
Өндр маңхн Цаһан уулын
Довтлгч омрун дор
Дуут Жаңһрин өргэг
Долан саяр делдүлгсн бээдг.

Бумбу океан [грохотом] наполняя, воздвигнутый,
И *Замбатив* [грохотом] наполняя, воздвигнутый,
На окраине долины Шикерлю,
В устье Шилтей Зандан реки,
У слияния подёрнутых рябью двенадцати рек,
На берегу широкого океана Шарту,
У высокой заснеженной горы Цаган,
Под вознёсшимся её выступом,
Прославленного Джангара дворец,
Семью миллионами [мастеров] воздвигнутый, стоит.

[Джангар 2020: 44–45]

Это же типическое место в прологе «Песни о том, как богдо Джангар хана ман-

гасов Кюрюл Эрдени покорил» (далее будет обозначаться как Пролог II):

Бумб гидг дала дүүрн делдүлгсн,
Бас Замб тивэн дүүрн делдүлгсн,
Шикрлүһин өр дунд,
Шилтэ Зандн һолын адг дунд,
Арта арвн хойр уулын девснд,
Өндр маңхн Цаһан уулын
Довтлгч омрун дор,
Өргн Шарт нертэ далан
Цутхлнд делдүлгсн,
Дуут Жаңһрин өргэг
Долан саяр делдүлгсн [бээдг].

Бумбой называемый океан [грохотом] наполняя, воздвигнутый,
И *Замбатив* [грохотом] наполняя, воздвигнутый,
В долине Шикерлю,
В устье, Шилтей Зандан-реки,
У слияния подёрнутых рябью двенадцати рек,
У высокой заснеженной горы Цаган,
Под вознёсшимся её выступом,
У широкого океана, Шарту называемого,
На берегу его воздвигнутый
Прославленного Джангара дворец,
Семью миллионами [мастеров] воздвигнутый [стоит].

[Джангар 2020: 134–135].

То же самое общее место в прологе «Песни о том, как прославленный Улан Шовшур хана мангасов Свирепого Шара

Гюргю покорил» (далее будет обозначаться как Пролог III):

Бумб дала гидг дала дүүрн делдүлгсн,	Бумба называемый океан [грохотом] наполняя, воздвигнутый,
Бас Замб тивэн дүүрн делдүлгсн, Шикрлүһин өр дунд, Шилтэ Зандн һолын адг дунд, Арта арвн хойр уулын девсц дор, Өргн Шарт нертэ далан цутхлнд, Өндр маңхн Цаһан уулын Довтлгч омрун дор Дуут Жаңһрин өргэ[г] Далн саяр делдүлв.	И <i>Замбатив</i> [грохотом] наполняя, воздвигнутый, В долине Шикерлю, В устье Шилтей Зандан реки, У слияния подёрнутых рябью двенадцати рек, На берегу Шарту называемого широкого океана, У высокой заснеженной горы Цаган, Под вознёсшимся её выступом, Прославленного Джангара дворец Семью миллионами [мастеров] был воздвигнут. [Джангар 2020: 224–225].

Как видим из приведенных примеров, место воздвижения дворца дается почти одинаково, вариация наблюдается в первой и третьей строках, когда джангарчи в процессе исполнения к первой строке пролога II добавляет слово «называемый», в прологе III к слову «называемый» добавляет слово «океан». В третьей строке пролога II

и III словосочетание, встречающееся в прологе I «*адг дунд*» (на окраине), заменяет синонимом «*өр дунд*» (в середине).

Для сравнения приведем наиболее близкое по тексту общее место другого сказителя, представителя консервативной эпической школы Ээлян Овлы:

«Нарн нархин ар бий тал,
Һэрд ик шилин омрун тал,
Арт[а] арвн хойр далан цутхлнд,
Бумб дала гидг далан көвэд,
Өл маңхн Цаһан уулын
Барун өргн дор,
Талвин цаһан ташуд,
Тавн зун һалвр зандн уласни сүүдриг
Дахулуй», — гиж күүндгсн болна.

«К северу от [лучей] восходящего солнца¹,
Под вознёсшимся, словно орёл, выступом хребта,
У слияния двенадцати подёрнутых рябью рек,
На берегу океана, Бумба называемого океана,
У снежно-голубой горы Цаган,
У её подножия справа,
Там, где пологий склон,
С пятьюста волшебными деревьями
Рядом [возведём]», — так решили они.

[Жаңһр 1978, 1: 370].

Сравнение показывает, что описание места построения дворца Джангара в тексте Ээлян Овлы отличается от описания Малодербетовского цикла и синтаксически, и стилистически, и композиционно, и нет сомнений в том, что данное описание принадлежит другому сказителю. Вместе с тем необходимо отметить, что в прологах Ма-

лодербетовского цикла и эпического репертуара Ээлян Овлы константными являются маркеры эпической страны — гора Цаган и океан Бумба.

Описание деталей дворца

Далее рассмотрим следующее типичное место ‘описание деталей дворца’ в прологах Малодербетовского цикла:

Пролог I

Найн дөрвэр термлгсн,
Терминь миңһэдэр унългсн,
Уньн-юуһинь
Арслнгин соя-юуһар шахулгсн,
Терм-юуһинь

Из восьмидесяти четырёх *терме* состоящий,
Где каждая *терме* из тысячи *унин* была,
Унины
Из львиных клыков [узорами] были украшены,
Терме

¹ Здесь и далее перевод на русский язык прологов из эпических репертуаров джангарчи Ээлян

Овлы, Мукебюна Басангова, Насанки Балдырова, Бадмы Обушинова осуществлен Т. А. Михалевой.

Даң заани соя-юуһар кевлүлгсн,
Мал улан ширэр ширдүлгсн,
Маж малын тосар өңдүлүлгсн
Мана богдын өргө делдүлүлгсн бээдг.
Күдр зандар эрклгсн,
Күж улан зандар харачлгсн,
Еңр цаһан мөңгэр цаһрглгсн,
Өнчн зандар шуурглгсн
Өнчн деед богдын
Өндр цаһан өргө делдүлүлгсн бээдг.

Пролог II

Найн дөрвө[дэ]р термлгсн,
Терминь миңһэдэр уньлгсн,
Уньн-юуһинь
Арслнгин соя-юуһар шахулгсн,
Терм-юуһинь
Даң заани сояһар кевлсн,
Мал улан ширэр ширдүлүлгсн,
Маж малын тосар өңлгсн,
Күдр зандар эрклгсн,
Күж улан зандар харачлгсн,
Еңр цаһан мөңгэр цаһрглгсн,
Күдр зандар шуурглгсн
Бумбин өндр цаһан өргө
Делдүлүлгсн бээдг.

Пролог III

Найн дөрвөр термлгсн,
Терминь миңһэдэр уньлгсн,
Уньн-юуһинь
Арслнгин соя-юуһар шахулгсн,
Терм-юуһинь
Даң заани сояһар кевлсн,
Мал улан ширэр ширдүлүлгсн,
Маж малын тосар өңлгсн,
Күдр зандар эрклгсн,
Күж улан зандар харачлгсн,
Еңр цаһан мөңгэр цаһрглгсн,
Өнчн зандар шуурглгсн
Бумбин өндр цаһан өргө.

Из бивней слона [узорами] были украшены,
Масляной красной краской покрашенный,
Жиром буйвола, словно лаком, покрытый
Нашего *богдо* дворец воздвигнутый стоит.
С порогом из прочного сандала,
С *харачи* из благовонного красного сандала,
С *цагараком* из звонкого серебра,
С шестами из одиноко росших сандалов
Одинокого верховного *богдо*
Высокий белый дворец воздвигнутый стоит.

[Джангар 2020: 44–45].

Из восьмидесяти четырёх *терме* он состоял,
Каждая *терме* из тысячи *унин* была,
Унины
Из львиных клыков [узорами] были украшены,
Терме
Из бивней слона [узорами] были украшены.
Масляной красной краской покрашенный,
Жиром буйвола, словно лаком, покрытый,
С порогом из прочного сандала,
С *харачи* из благовонного красного сандала,
С *цагараком* из звонкого серебра,
С шестами из прочного сандала
Бумбайский высокий белый дворец
Воздвигнутый стоит.

[Джангар 2020: 134–135].

Из восемидесяти четырёх *терме* состоял,
Каждая *терме* из тысячи *унин* была,
Унины
Из львиных клыков [узорами] были украшены,
Терме
Из бивней слона [узорами] были украшены,
Масляной красной краской покрашенный,
Жиром буйвола, словно лаком, покрытый,
С порогом из прочного сандала,
С *харачи* из благовонного красного сандала,
С *цагараком* из звонкого серебра,
С шестами из одиноко росших сандалов
Бумбайский высокий белый дворец.

[Джангар 2020: 224–225].

В описаниях деталей дворца мы наблюдаем, что и синтаксическое построение предложений, и описываемые детали, и формы частей речи — все говорит в пользу того, что текст

принадлежит одному и тому же сказителю.

Сличим вышеприведенное типическое место «описание деталей дворца» с текстом Ээлян Овлы:

Шаран зурһан миңһн
Арви хойр урчуднь
Шагтнь күртл ээрлэд,

Жёлтой веры шесть тысяч
Двенадцать мастеров,
До конца закручивая,

Тал дундахурнь татурдад,
Тавн ик шана хархад ирв.
Нарх талк бийинь
Нажг шилэр өңглгсн,
Орх талк бийинь
Усн шилэр өңглгсн,
Ар бийэрнь өвлзгсн күмн
Өэрг, кимрэр нарх гиж,
Алг буһин арсар өңглгсн,
Өмн бийэрнь өвлзгсн күмн
Өөкн, тосар нарх гиһэд,
Өл буһин арсар өңглгсн,
Һазад дөрвн өңцгинь
Һал шилэр нүдлгсн,
Дотад дөрвн өңцгинь
Догшн болдар товчлгсн

Посередине затягивая,
Пять больших граней вывели.
Снаружи вход
Узорчатым стеклом украсили,
Изнутри вход
Прозрачным стеклом украсили.
Чтобы к северу от него зимующие люди,
Айран и молоко имея, перезимовали,
Шкурой пятнистого оленя его покрыли.
Чтобы к югу от него зимующие люди,
Жир и масло имея, перезимовали,
Шкурой сизого оленя его покрыли.
Снаружи четыре угла
Цвета огня стеклом украсили,
Изнутри четыре угла
Крепкой сталью стянули.

[Жаңһр 1978, 1: 371].

Сравнение «описания деталей дворца» Ээлян Овлы с описанием Малодербетовского цикла показывает различия синтаксического, лексического, морфологического построения, несоответствие описываемых деталей дворца, что является доказательством

принадлежности текста другому сказителю.

Описание оберегательной функции дворца

Рассмотрим общее место «описание оберегательной функции дворца» в текстах:

Пролог I

Эзн, богдын
Бумбин күж зандн
Өргэһин өөр бээсн
Замб тивд Бумбин орни
Жилв, бах, ширг
Ташр һурвлаг
Көөн сөргэд,
Сай дунднь далван дарн бээдг.

Властителя, *богдо*
Бумбайский из благовонного сандала
Дворец, поблизости находящихся
Замбатива [других] бумбайских стран
Жажду захвата, их вожделённую цель и мор —
Все три нечистые страсти —
Отгоняя-прогоняя,
Миллионы [подданных *богдо*],
словно крылом, укрывая, оберегает.

[Джангар 2020: 46–47].

Пролог II

Бумбин цаһан өргэнь
Өөр Замб тивд бумбин орна

Жилв, бах, ширг —
Ташр һурвлаг
Көөн сөргэд,
Сай дунднь далван дарн бээдг.

Бумбайский белый дворец
Поблизости находящихся *Замбатива* [других]
бумбайских стран
Жажду захвата, их вожделённую цель и мор —
Все три нечистые страсти —
Отгоняя-прогоняя,
Миллионы [подданных *богдо*], словно крылом,
укрывая, оберегает.

[Джангар 2020: 136–137].

Пролог III

Өөр Замб тивд [бээх орни]
Жилв, бах, ширг —

Поблизости находящихся *Замбатива* [других] стран
Жажду захвата, их вожделённую цель и мор —

Ташр хурвлаг көөн сөргэд,
Сай дундан далван [дарн] бээнэ.

Все три нечистые страсти — отгоняя-прогоняя,
Миллионы [подданных *богдо*], словно крылом,
укрывая, [дворец] оберегает.

[Джангар 2020: 226–227].

Общность данного типического места в трех прологах также очевидна. Идентично построенные строки свидетельствуют об авторстве одного и того же сказителя.

Для сравнения приведем пример аналогичного типического места из текста Ээлян Овлы:

Дуута Жаңһрин арвн давхр,
Йисн өнг алтн торлг бээшн
Дөрвн талан
Дөчн йисн жилэ хортн дээсиг
Дарн, талван дүнгэхэд бээв.

Прославленного Джангара в десять ярусов
Девятицветный, золотистый, взметнувшийся ввысь
дворец,
В четырёх сторонах
На сорок девять лет врагов
Усмиряя, величаво возвышался.

[Жаңһр 1978, 1: 371–372].

Сравнение данного описания подтверждает тот факт, что текст Ээлян Овлы отличается от текста Малодербетовского цикла, также различия наблюдаются в самой функции дворца: в трех прологах — «Миллионы [подданных *богдо*], словно крылом, укрывая, [дворец] оберегает», в тексте Ээлян Овлы — «В четырёх сторонах / На сорок девять лет врагов / Усмиряя, величаво возвышался». В прологе Малодербетовской трилогии дворец служит сильнейшим оберегом от внешних негативных воздействий, в тексте Ээлян Овлы гиперболическая величина грандиозного сооружения символизирует мощь эпической державы.

Страна Бумба — «это особое художественное пространство эпоса, которое заполнено ирреальными географическими объектами и населено эпическими героями, <...> — это некий идеальный мир и идеальное государство, где буквально все является совершенным — природа и климат, люди и животные, правитель и те, кто ему служит — богатыри-сподвижники Джангара, правителя страны Бумбы» [Бурькин 2003: 198].

Маггал (восхваление) стране

Рассмотрим в теме «Описание страны» типическое место «маггал (восхваление) стране»:

Пролог I

Үкл уга мөңкин орн,
Үвл уга зуни орн
Дүнгэхэд бээдг.
Өрүн улавр улан нарнь
Мандлгсн бээдг.
Увьяр өнгтэ ноһань
Шавшн һардг,
Жиркрлн хурнь орад,
Живсрн нарн һарад,
Элэ хулд хойр шүүрдэд [бээдг].
Асхни шар нарн
Дегжэд орх алднд
Эмнг гүүдин үсн
Элвг улан арзин,
Хаңһлмудын үсн
Хар дарцг арзин

Смерть не познавшая, вечной жизни эта страна,
Зим не знающая, [вечного] лета эта страна,
Величия исполненная [эта страна].
Утром, алая, красное солнце
Восходит и светит.
Зелёные травы
Зыблются здесь,
То мелкий дождь моросит,
То ласковое солнце выглянет,
То коршун с луном схватятся.
А к вечеру, когда жёлтое солнце,
Огромным став, к закату клонится,
Из молока необъезженных кобылиц
В изобилии готовящейся *арзы*,
Из молока неукротимых кобылиц
Готовящейся прозрачной крепкой *арзы*

Манр хар утан
Манрад цоонглсн бээдг.
Мана Бумбин орн
Дүркрсн бээдг.

Пары и чёрный дым
Клубами ввысь поднимаются.
Наша Бумба страна
В благоденствии пребывает всегда.

[Джангар 2020: 46–49].

Пролог II

Үкл уга мөңкин орта,
Үвл уга зуни орта.
Өрин улвр шар нарн
Мандлж хардг,
Увьяр өңгтэ ноһан
Шавшч хардг,
Үдин тамбл шар нарн
Мандлж хардг,
Асхни делкән шар нарн
Дегжэд орх алднд
Манр хар арзин утан

Смерть не познавшая, вечной жизни страна его,
Зим не знающая, [вечного] лета страна его.
На рассвете, алея, жёлтое солнце
Восходит,
Зелёные травы
Зыблются здесь,
В полдень яркое жёлтое солнце
В выси, по небу катится.
А к вечеру, когда вселенское жёлтое солнце,
Огромным став, к закату клонится,
От готовящейся, [головы] туманящей прозрачной

арзы дым

Манрад, оһтрһуд
Цоонглсн бээдг.
Мана Жаңһрин орн
Төвкнсн бээдг.

Клубами до небес
Поднимается.
Нашего Джангара страна
В спокойствии пребывает всегда.

[Джангар 2020: 144–145].

Пролог III

Үкл уга мөңкин орта,
Үвл уга зуни орта,
Үрглжд живхлңтэ
Баатр Бумбин орта.
Өрин улвр шар нарн
Улвтрж харна,
Увьяр өңгтэ ноһань шавшн харна,
Үдин тамбл шар нарнь
Мандлж харна,
Тарни хар батхнь
Жиргж харна,
Жирклң хурнь орна,
Живсрң нарн харна.

Смерть не познавшая, вечной жизни страна его,
Зим не знающая, [вечного] лета страна его,
Во все времена величественна страна его,
Богатырей Бумба страна его.
На рассвете плавно жёлтое солнце,
Алея, восходит.
Зелёные травы зыблются здесь,
В полдень яркое жёлтое солнце
В выси небесной сияет,
В поле букашек рой
С жужжанием носится,
То мелкий дождь моросит,
То ласковое солнце выглянет.

[Джангар 2020: 226–227].

Магтал — это целенаправленное описание, обусловленное задачей воспевания-восхваления. Из приведенных примеров мы видим, что типическое место «магтал (восхваление) стране» строится по единой схеме: сказитель изображает идеальный мир Бумбы, прославляя ее природу и среду. Нет сомнений в том, что стилистически однотипные описания эпической страны принадлежат одному сказителю.

Аналогичное типическое место «магтал (восхваление) стране» присутствует и в дру-

гих циклах и песнях эпоса «Джангар» (цикл песен Ээлян Овлы, в песнях джангарчи Насанка Балдырова и Бадмы Обушинова и др.). Содержанием магтала является восхваление бумбайской страны, все циклы и песни «Джангара» едины в первой строке этого описания *Үкл уга мөңкин орта* ('Смерть не познавшая, вечной жизни страна').

Для сравнения приведем это же общее место «магтал (восхваление) стране» из репертуара разных сказителей:

Ээлян Овла

Үкл уга мөнжин орта,
 Үрглжд хөрн тавн насни дүрэр бээдг,
 Өвл уга, хаврин кевэр,
 Зун уга, намраһар бээдг,
 Даарх киитн уга,
 Халх халун уга,
 Сер-сер гисн салькта,
 Бүр-бүр хурта
 Бумбан орн болна.
 Өл маңхн Цаһан уульн
 Назр теңгр хойрин киисн болад,
 [Өрүн һарх нарни көл дор
 Маңһаһад бээдг, гинэ.]
 Өргн Шартг гидг далань
 Өрү сөрү хойр урсх[у]лта,
 Өңгтэ бадмин герл һарад бээдг.

Страна, где смерти не зная, вечно жили,
 Где все двадцатипятилетними всегда были,
 Где не было зим, где всегда весна была,
 Где не было лета, где осень всегда была,
 Где не было стужи,
 Где не было зноя,
 Где свежий ветер дул,
 Где дождь моросил —
 Такой Бумба страна была.
 Снежно-голубая гора Цаган,
 Пупом земли и неба став,
 [Под восходящего утром солнца лучами
 Величаво высится, говорят.]
 Широкий океан Шартга
 Два течения имеет,
 Красивых лотосов цветом переливается.

[Жаңһр 1978, 1: 371–372].

Насанка Балдыров

Үкл уга мөнк наста,
 Үргэл уга төвшүн орта,
 Үрглжин хөрн нээмн насни дүрэр бээдг.
 Өрүн цаһан мирдин эдсэр бээдг,
 Өмд зиндмин хөвлһәһәр бээдг,
 Ар Бумбин орнд тогтсн гидг,
 Алдр богд Жаңһрахн гидг.

Вовеки бессмертным становится,
 В спокойной безмятежной стране
 Всегда в двадцативосьмилетнем возрасте пребывает.
 Священным *мирде* благословлённые,
 Истинного *чиндамани* волшебством одарённые,
 В северной Бумбе стране живущие, говорят,
 Славного *богдо* Джангара подданные, говорят.

[Жаңһр 1978, 2: 371–372].

Бадма Обушинов

Үкл уга мөнжин цагт,
 Өвл уга зуна цагт,
 Өрглждән Жаңһрахн
 Болдг бээж, гинэ.
 Жирһл эдлэд
 Болдг бээж, гинэ.
 Киитн Дамб гидг
 Һолта бээж, гинэ.
 Һолнь гидм болхлаһа —
 Өрү сөрү хойр
 Урсдг бээж, гинэ,
 Урсхларн, шур совсн хойрар
 Урсдг бээж, гинэ,
 Көрхләрн, алтн мөңгн хойрар
 Урсдг бээж, гинэ.

Когда смерти не было — вечно жили,
 Когда зимы не было, лето было всегда,
 Повсюду Джангара подданные
 Жили, говорят.
 В счастье пребывая,
 Жили, говорят.
 Холодная, Дамба называемая,
 Река у них была, говорят.
 Если о реке говорить,
 То, протекая, и против течения
 Воды свои несла она, говорят.
 Протекая, кораллы и жемчуга
 В водах своих несла она, говорят,
 Замерзая, золото и серебро
 В водах своих имела, говорят.

[Жаңһр 1978, 2: 371–372].

Приведенные примеры констатируют, что «магтал (восхваление) стране» отличается от типического места в прологах Малодербетовского цикла и сложены они по-иному, потому как каждый сказитель повествует песнь той эпической школы, коим представителем он является. Но вместе с тем необходимо отметить и общность описаний, которая состоит в объек-

тах восхваления: — страна, природа, гора, океан, река, богдо — все эти компоненты олицетворяют образ бумбайской страны.

Эпическая биография Джангара

Далее сказитель переходит к общей для всех циклов и репертуаров теме — «эпическая биография Джангара», начинается она с «генеалогического древа Джангар-хана»:

Пролог I

Бодн Залу хаани жич,
Бумб Залу хаани жилик,
Мергн Торчин ач,
Узнгин өнчн Жаңһр гидг күн.

Бодонг Залу-хана правнук,
Бумба Залу-хана праправнук,
Мерген Торчи [хана] внук,
Узюнга [сын] — одиноким Джангаром зовущийся он человек.

[Джангар 2020: 66–59].

Пролог II

Бодн хаани жич,
Бумб Залу хаани жилик,
Мергн Торчин ач,
Узнгин үрн
Өнчн Жаңһр гидг күн

Бодонг-хана правнук,
Бумба Залу-хана праправнук,
Мерген Торчи[-хана] внук,
Узюнг[-хана] дитя —
Одиноким Джангаром зовущийся он человек.

[Джангар 2020: 142–145].

Пролог III

Бодн Залу хаани жич,
Бумб Залу хаани жилик,
Мергн Торчин ач,
Узн алдр хаани үрн,
Үклдтлэн чавчлдг
Өнчн Жаңһр гидг.

Бодонг Залу-хана правнук,
Бумба Залу-хана праправнук,
Мерген Торчи[-хана] внук,
Узюнга, славного хана, дитя —
До последнего вздоха [с врагом] рубящийся
Одинокий Джангар, так его называют.

[Джангар 2020: 228–229].

В том, что это типическое место принадлежит одному автору, бесспорно, стихотворные строки одинаковы во всех отно-

шениях.

В репертуарах других джангарчи данная формула построена несколько иначе:

Ээлян Овла

Тэк Зула хаани үддл,
Таңсг Бумб хаани ач,
Узн алдр хаани көвүн —
Үйин өнчн Жаңһр билэ.

Таки Зула-хана потомок,
Тансгаг Бумба-хана внук,
Узюнга, славного хана, сын —
В поколении своём одинокий Джангар это был.

[Жаңһр 1978, 1: 368–369].

Мукебюн Басангов

Бодн Зулын ачву,
Бумб Зулын жичвү,

Бодонг Зулы внук,
Бумба Зулы правнук,

Мергн Торчин жиликвү,
Узң Мала Хавха хаани үрнвү,
Узңгин өнчн Жаңһрву.

Мерген Торчи праправнук,
Узюнг Мала Хавха-хана дитя,
Узюнга сын, сирота Джангар.

[Жаңһр 1978, 2: 141].

В приведенных общих местах наблюдаются изменения и в построении стихов, и в именах предков Джангара: у Мукебюна Басангова — *Бумба Зулы правнук / Бодонг Зулы внук*, у Ээлян Овла *Таки Зула-хана потомок*, / *Тангсаг Бумба-хана внук* — все эти различия говорят в пользу того, что данные типические места принадлежат другим авторам.

Портретная характеристика главного героя эпоса, описание его подвигов являются важными составляющими повествования. Приведем данное общее место в прологах Малодербетовского цикла:

в) «эпическая биография Джангара»;

Пролог I

Һундгч насндан
Һурвн бээрин ам эвдгсн,
Дөндгч насндан
Дөрвн бээрин ам эвдгсн,
Дөчн тугин үзүр хуһлгсн,
Тавдгч насндан
Тавн бээрин ам эвдгсн,
Тэкл алдр хааг
Номдан орулгсн,
Зурһадгч насндан
Зурһан бээрин ам эвдгсн,
Зула алдр хааг
Номдан орулгсн,
Доладгч насндан
Догшн Ширкин ядгсн
Догшн Шар Маңһс[иг] дөрэцүлгсн,
Долан насн деерән
Догшн Ширкин үүл
Һар деерән авла.

В трёхлетнем возрасте
В трёх сражениях верх он одержал,
В четырёхлетнем возрасте
В четырёх сражениях верх одержал,
Четыре десятка [вражеских] знамён низверг,
В пятилетнем возрасте
В пяти сражениях верх одержал,
Такила, славного хана,
Вере [и власти] своей подчинил.
В шестилетнем возрасте
В шести сражениях верх одержал,
Зулу, славного хана,
Вере [и власти] своей подчинил.
В семилетнем возрасте
Кого грозный Ширки не смог одолеть —
Свирепого Шара Мангаса он покорил.
В том же семилетнем возрасте
Грозного Ширки
Всецело себе подчинил.

[Джангар 2020: 66–59].

Пролог II

Һундгч насндан
Һурвн бээрин ам эвдг[сн],
Һучн тугин үзүр эвдэд,
Дөндгч насндан
Дөрвн бээрин ам эвдэд,
Дөчн тугин үзүр хуһлад,
Тавдгч насндан
Тавн бээрин ам эвдэд,
Тэкл[л] алдр хааг
Номдан орулад,
Зурһадгч насндан
Зурһан бээрин ам эвдэд,
Зула алдр хааг
Номдан орулад,

В трёхлетнем возрасте
В трёх сражениях верх одержав,
Тридцать [вражеских] знамён он низверг,
В четырёхлетнем возрасте
В четырёх сражениях верх одержав,
Четыре десятка [вражеских] знамён он низверг,
В пятилетнем возрасте
В пяти сражениях верх он одержал,
Такила, славного хана,
Вере [и власти] своей подчинил,
В шестилетнем возрасте
В шести сражениях верх он одержал,
Зулу, славного хана,
Вере [и власти] своей подчинил,

Мөн доладгч насндан
Долан бээрин ам эвдэд,
Догшн Ширкин үүл
нар дээрэн авла.

В семилетний возраст вступив,
В семи сражениях верх одержав,
Грозного Ширки
Всецело себе подчинил.

[Джангар 2020: 142–145].

Пролог III

Һундгч насндан
Һурвн бээрин ам эвдгсн,
Дөндгч насндан
Дөчн тугин үзүр хуһлгсн,
Дөрвн бээрин ам эвдгсн,
Тавдгч насндан
Тэвн тугин үзүр хуһлгсн,
Тавн бээрин ам эвдгсн,
Зурһадгч насндан
Зурһан бээрин ам эвдгсн,
Зула алдр хааг
Номдан орулгсн мөн,
Доладгч насндан
Долан бээрин ам эвдгсн,
Дорд орни
Догшн Шар Маңһс[иг] дөрэтүлгсн мөн,
Долан насндан
Догшн Ширкин үүл
нар дээрэн авгсн.

В трёхлетнем возрасте
В трёх сражениях верх он одержал,
В четырёхлетнем возрасте
Четыре десятка [вражеских] знамён он низверг,
В четырёх сражениях верх одержал,
В пятилетнем возрасте
Пятьдесят [вражеских] знамён он низверг,
В пяти сражениях верх одержал,
В шестилетнем возрасте
В шести сражениях верх одержал,
Зула, славного хана,
Верё [и власти] своей подчинил.
В семилетний возраст вступая,
В семи сражениях верх одержал,
В нижнем мире обитающего
Свирепого Шара Мангаса он покорил,
В том же семилетнем возрасте
Грозного Ширки
Всецело себе подчинил.

[Джангар 2020: 228–229].

Сравнение общих мест показывает, что описание подвигов главного героя Джангар-хана во всех трех текстах пролога представлено в единой последовательности; и стилистически, и лексически строки оди-

наковые, поэтому нет сомнений в том, что авторство принадлежит одному сказителю или его ученику.

Как подтверждение, приведем такое же общее место из репертуара других джангарчи:

Ээлян Овла

Һун оргч насндан,
Арнзл Зеердиннь үрэ цагт,
Көл өргж мордгсн,
Һурвн ик бээрин ам [эвдгсн],
Һульжң ик маңһс хааг номдан орулсн;
Дөн оргч насндан
Дөрвн ик бээрин ам эвдж,
Дөрдн ик шар маңһс хааг
Номдан орулсн;
Эркн тавн настадан
Тэки[с]н тавн шулм хааг
Кел бэрж, номдан орулсн;
Тер тавн наста цагтан
Бөк Мөңгн Шигшрһд бэргдж
Олзлгдсн болдг мөн;
Зурһа оргч насндан

В трёхлетнем возрасте,
Когда *аранзалу* его Зерде три года было,
Сев на него, отправился он,
В трёх жестоких сражениях верх одержав,
Могучего хана кривых *мангасов* верё своей подчинил.
В четырёхлетнем возрасте,
В четырёх жестоких сражениях верх одержав,
Могучего хана скрюченных жёлтых *мангасов*
Верё своей подчинил.
В пятилетнем возрасте,
Пятерых ханов скрюченных *шулмусов*
Пленив, верё своей подчинил.
В том же пятилетнем возрасте
Бёке Мёнген Шигширги схвачен он был
И служить ему стал.
В шестилетнем возрасте,

Зурхан бээрин ам эвдж,
Зун жидин үзүр хулж,
Зург болсн бээшгтэ
Күцкэн Алтн Чеежиг номдан орулж,
Эңгин олт баатрмудтан
Баруни ахлал болсн мөн;

В шести сражениях верх одержав,
Сотен копий остря сломав,
Сновидению подобный дворец имевшего
Мудрого Алтан Чеджи, вере своей подчинив,
Над простыми богатырями
Правой стороны главным сделал его.

[Жаңһр 1978, 1: 368–369].

Мукебюн Басангов

Һундгч насндан
Һучн һурвн хаани,
Дөндгч насндан
Дөчн дөрвн хаани нутг орулсн —
Далн долан хаани нутгиг
Даңгин һанц бийэри орулад өгсн,
Алдрж бээсн
Арвн хойр энг
Эрүн цаһан таңһичиһэн
Гедргэн хэрүләд аввл.

В трёхлетнем возрасте
Тридцати трёх ханов,
В четырёхлетнем возрасте
Сорока четырёх ханов владения он покорил —
Семидесяти семи ханов владения
В одиночку он покорил,
Почти потерянные
Двенадцать частей
Своей священной страны
Вернул он.

[Жаңһр 1978, 2: 132].

Приведенные примеры типических мест из эпического репертуара джангарчи Ээлян Овлы и Мукебюна Басангова в сравнении с Малодербетовским циклом демонстрируют стилистические, лексические отличия стихотворных строк и общего места в целом. В плане композиционного построения данного типического места сходства обнаруживаются с текстом Ээлян Овла, где перечисляются подвиги главного героя, начиная с трехлетнего возраста. Сходство композиционного построения объясняется общим принципом идеализации главного героя, «исключительные воинские качества которого должны проявляться уже в самом детстве» [Жирмунский 1974: 27].

Пир во дворце Джангар-хана

Одним из красочно описанных традиционных тем эпоса является описание пира. Как отмечает В. М. Жирмунский, «исходным положением для отдельной песни-былины становится изображение праздника или пира при дворе эпического монарха, показывающее его избранных витязей в обстановке мирного веселья» [Жирмунский 1974: 34].

В Малодербетовском цикле «Джангара» описание пира дается через показ всенародного праздника Цаган Сар и состоит из таких подтем, как: а) прибытие богатырей на празднование; б) выделение героя Хонгора; в) местоположение богатырей; г) пир.

Рассмотрим типическое место «пир во дворце Джангар-хана»:

Пролог I

Долан наста Дууни Герл
Тавн наста Таңсг Герл хойр
Сөңгинь бэрв.
Эзнэсн авад,
Нег дуһу күцэд ирв,
Дэки тавн дуһу күцв.
Зүүниннь олт сээд
Зеерд-юһан магтлдад,
Барунинь олт сээд
Богд-юһан буульдад [бээв].

Семилетний Дуни Герел,
Пятилетний Тангсаг Герел — вдвоём
Подносить напиток стали.
С властителя своего начав,
По кругу [арзой] обнесли,
Затем ещё пять раз по кругу обнесли.
Левой стороны многочисленные сайды
Любимых коней своих восхваляли,
Правой стороны многочисленные сайды
Богдо и его богатырей восхваляли.

[Джангар 2020: 90–93].

Пролог II

Долан наста Дууни Герл
Тавн наста Таңсг Герл хойр
Сөңгинь бэрв.
[Эс даам] дүңгин улан шаазңгиг
Эркэ хумха хойрар
Алдн алдад босв,
Эзнэс авн нег дуһу күцв,
Дэkn тавн дуһу күцв.
Баруни оln сээд
Зерд-юуһан магтлдад,
Зүүни оln сээд
Богд-юуһан буульлдад,

Семилетний Дуни Герел,
Пятилетний Тангсаг Герел — вдвоём
Подносить [арзу] собрались.
Такие [, что не поднять,] красивые чаши
Большим и указательным пальцами зажав,
Едва не уронив их, поднялись,
С властителя начав, по кругу [арзой] обнесли,
Затем ещё пять раз по кругу обнесли.
Правой стороны многочисленные сайды
Любимых коней своих стали восхвалять,
Левой стороны многочисленные сайды
Богдо и его богатырей стали восхвалять.

[Джангар 2020: 170–173].

Пролог III

Долан наста Дууни Герл
Тавн наста Таңсг Герл хойр
Энгин далин күн дамжлж
Эс даам дүңгин улан шаазңгиг
Эркэ хумха хойрар[н]
Алдн алдад босв.
Хойр сөңгинь бэрэд,
Эзнэсн авад, нег сөң күцэв,
Дэkn тавн дуһу күцэв.
Тедү аңхн дунд
Барун, зүүни сээдин
Машин улан көлсн чивжңнж дусад,
Манрлдгсн суудг.
Дэkn тавн дуһу күцэд ирв.
Баруни оln сээд
Богд-юуһан буульв.

Семилетний Дуни Герел,
Пятилетний Тангсаг Герел — вдвоём
Такие, что обыкновенные семьдесят человек
Не смогут поднять, красивые чаши
Большим и указательным пальцами зажав,
Едва не уронив их, поднялись.
Обе чаши в руках держа,
С властителя начав, по кругу [арзой] обнесли,
Затем ещё пять раз по кругу обнесли.
Тем временем
Правой и левой сторон сайды,
Ярким румянцем покрывшись, потом обливаясь,
Хмельные уже сидели.
Ещё пять раз полукруги обошли.
Правой стороны сайды
Богдо и его богатырей восхваляли.

[Джангар 2020: 270–273].

При построчном сличении описания пира в текстах трех прологов мы наблюдаем, что данное типическое место сохраняет свои специфические черты и в словесном оформлении почти одинаково: различия выявляются в перестановках слов в стихотворной строке, в синонимичной замене слов, добавлением трех новых строк в прологе III (*Машин улан көлсн чивжңнж дусад, / Манрлдгсн суудг. / Дэkn тавн дуһу күцэд ирв. / 'Ярким румянцем покрывшись, потом обливаясь, / Хмельные уже сидели. / Ещё пять*

раз полукруги обошли'). При устном воспроизведении вариативность текста вполне допустима, потому что певец не механически передает песнь, а творчески подходит к каждому исполнению. Основываясь на результатах сравнения общих мест, мы можем утверждать, что автором является один и тот же сказитель.

Чтобы подтвердить наше предположение, рассмотрим традиционное описание пира в эпических песнях других сказителей:

Ээлян Овла

Эмнг гүүдин үсн
Элвг сээхн хар арзин сүүр болад
Суудг [„гинэ“].
Эрхн шаран зурхан миңһн
Арвн хойр баатрин
Ома цаһан умснь
Урудс гиж халад ирв.
Энд-тендэн хэлэн күүндхлэрн:
— Манла нарн дор хальддг [орн угав?]
Манд дээлх дээсн кезэ учрхв?
Гөрөлх гөрэсн кезэ учрхв? — гиж,
Татлдж, шүүрддж суудг болна.

Из молока необъезженных кобылиц
Изобильной прозрачной *арзой* угощаясь,
Сидят [„говорят“].
У жёлтой веры лучших шести тысяч
Двенадцати богатырей
Благородное их чрево
Постепенно разогрелось.
Друг с другом общаясь:
— Есть ли под солнцем страна, готовая на нас
посягнуть?
Когда появится враг, с которым можно сразиться?
Когда встретится зверь, на которого можно охотиться?
— так говоря,
Весело споря, сидели.

[Жанһр 1978, 1: 375].

Дава Шавалиев

Аһ Шавдл хатн
Найн хойр чивһстэ
Нэрхн цаһан ятхан
Авад делдгсн бээдг, гинэ.
Дууни Герл хатн
Дахн дуулад, жиңнэд бээдг гинэ.
Тавн наста
Таңсг Зула гидгнь
Тэрлк, цөгц арчад, нульдрад бээв, гинэ.
Тегэд саак кевэрн
Алдр богд Жанһрахн
Һучн һурвн дуһу болад,
Байн улан арзин сүүр
Бэрэд суудг болна.

Ага Шавдал хатун,
С восьмьюдесятью двумя струнами
Изящную светлую *ятху*
Взяв, стала на ней играть, говорят.
Дуни Герел *хатун*
Подпевала звонко, говорят.
Пятилетний
Тангсаг Зула,
Тарелки, чаши вытирая, суетился, говорят.
Так же, как и всегда,
Славного *богдо* Джангара [богатыри]
Полукругом в тридцать три ряда,
Изобильной прекрасной *арзой*
Угощаясь, сидели.

[Жанһр 2018: 78].

Насанка Балдыров

Салвин көк ташудан
Сээхн күлгэн ид[шл]үлэд,
Шалдг зурхан миңһн
Арвн хойр кевэрн
Шахцл угал
Дөчн хойр сүүр бэржл,
Дүңгин шар цоохр бээшндэн
Дүүвр арзин сүүрт суудг болна.

На раскинувшиеся зелёные склоны
Прекрасных скакунов пастись отпустив,
Избранные шесть тысяч
Двенадцать [богатырей],
Не тесня друг друга,
[Полукругом] в сорок два ряда
В величавом жёлто-пёстром дворце своём,
Веселящей *арзой* угощаясь, сидели.

[Жанһр 1978, 2: 318–319].

Из приведенных примеров мы видим, что описание пира в текстах песен джангарчи Ээлян Овлы, Давы Шавалиева, Насанки Балдырова отличаются от типического места в Малодербетовском цикле. Различия наблюдаются не только стилистически и композиционно, но и составом участников пира, их местоположением и действиями. Различия в описании объясняются тем, что сказители являются представителями разных эпических школ и исполняют эпос

в том виде, в каком усвоили его от своих предшественников. Данный факт является еще одним доказательством того, что типические места из других циклов и эпических репертуаров стилистически не подходят к Малодербетовскому циклу, потому как джангарчи относились к иным эпическим школам.

Подготовка богатыря Хонгора к отправке на празднование Цаган Сар начинается с формулы-сигнала:

Пролог I

Күүкн Цаһан мөрч,
Өлн Көк Һалзн күлг тох! — гив.

Конюший Кюкен Цаган,
Истомлённого [ожиданием] Кёке Галзана скакуна
седлай! — повелел.

[Джангар 2020: 62–63].

Пролог II

Күүкн Цаһан мөрч,
Өлн Көк Һалзн
Күлгим тох! [—гив.]

Конюший Кюкен Цаган!
Истомлённого [ожиданием] Кёке Галзана,
Скакуна моего, седлай! [— так повелел.]

[Джангар 2020: 148–149].

Пролог III

Күүкн Цаһан мөрч,
Өлн Көк Һалзн күлг мини тох! [— гив.]

Конюший Кюкен Цаган,
Истомлённого [ожиданием] Кёке Галзана, скакуна
моего, седлай! [— так повелел.]

[Джангар 2020: 240–241].

Во всех трех текстах словесное оформление формулы совпадает почти буквально.

Данная формула-сигнал в эпосе служит отправной точкой темы подготовки коня к походу, которая состоит из таких типичных мест, как: ловля коня, привод, седлание. Тема подготовки коня богатыря настолько значима, что, несмотря на большой объем (ловля — до 138 стихотворных строк, привод — до 24 с. с., седлание — до 37 с. с.), ее повторяемость во всех песнях цикла является одной из излюбленных тем монголоязычного эпоса и представляется естественной и необходимой, поскольку соответствует эстетическим запросам аудитории.

«Седлание коня» в прологах и песнях Малодербетовского цикла почти буквально совпадает, что говорит о принадлежности всех трех текстов одному сказителю. Различия наблюдаются в количестве строк, когда

певец при исполнении общего места, «оставаясь в пределах эпического знания, <...> выбирает один из альтернативных ходов» [Гацак 1971: 45], добавляет или убавляет детали седлания, воплощает изложение в иные слова, используя художественную синонимию.

Сравнение общего места «одевание богатыря» также выявляет сходство построения описания, процесс одевания детализируется и дается в определенной последовательности: сначала надевают рубаху, затем бешмет, бизе, пояс, шлем, сапоги, платок. В объемном плане типическое место в прологе II меньше, чем в двух других, это объясняется тем, что певец в данном случае опустил описание пояса и платка. Но, несмотря на небольшие различия, словесное оформление и характерные черты совпадают во всех трех текстах.

Об итогах проведенного анализа

Проведенное сравнение типических мест в прологах Малодербетовского цикла, безусловно, является доказательством авторства сказителя, исполнившего все три песни.

Таким образом, с целью определения авторства сказителя мы провели сравнительный анализ типических мест трех песен Малодербетовского цикла, а также привели в виде доказательства типические места из других циклов и эпических репертуаров джангарчи, относившихся к иным эпическим школам.

На основе анализа таких типических мест и формул пролога, как «место воздвижения дворца», «описание деталей дворца», «описание оберегательной функции дворца», «магтал (восхваление) стране», «эпическая биография Джангара», «генеалогическое древо Джангар-хана», «пир», «седлание коня», «одевание богатыря», «описание плети-маля», а также типических мест песен — «отправление в путь», «преодоление пути», «прибытие на пограничье», «вхождение во дворец», «богатырский поединок», «пленение и клеймение», «возвращение на родину», «пир», мы пришли к выводу, что типические места и формулы джангарчи Малодербетовского цикла, имя которого неизвестно, в трех текстах совпадают, являются оригинальными и применяются во всех исполняемых им песнях.

Выводы

Типические места Малодербетовского цикла — это идентично построенные, стилистически однотипные описания, в которых и синтаксическое построение предложений, и описываемые детали, и формы частей речи совпадают, что подтверждает принадлежность текстов одному и тому же сказителю. Наше мнение подтверждается также сравнением типических мест Малодербетовского цикла с аналогичными об-

щими местами из других циклов и эпических репертуаров джангарчи: Ээлян Овлы, Мукебюна Басангова, Давы Шавалиева, Насанки Балдырова. В приведенных примерах из других циклов типические места отличаются от типических мест Малодербетовского цикла. Различия наблюдаются не только стилистически и композиционно, но и описаниями объектов, действий, составом участников пира, их местоположением, а также количеством и несоответствием последовательности строк. Эти различия типических мест объясняются тем, что сказители являются представителями разных эпических школ и исполняют эпос в той традиционной форме, в какой он был усвоен ими от предшественников. Данный факт является еще одним доказательством того, что типические места из других циклов и эпических репертуаров стилистически не подходят к Малодербетовскому циклу, исполненному одним сказителем. Вместе с тем необходимо отметить и общность описаний во всех циклах и эпических репертуарах джангарчи, которая проявляется в объектах восхваления, — страна, природа, гора, океан, река, *богдо*, олицетворяющими образ бумбайской страны.

Сравнительный анализ типических мест Малодербетовского цикла показал, что сказитель не механически слагает песнь, а творчески подходит к каждому исполнению, сохраняя характерные черты типических мест, варьирует эпические формулы: использует синонимы, переставляет строки, сокращает или, наоборот, добавляет детали описания и т. д. По нашему мнению происходит это потому, что «главное в эпической памяти — не формула в точном и неизменном словесном выражении, а художественное содержание» [Гацак 1971: 24], сказитель, «оставаясь в пределах эпического знания, <...> выбирает один из альтернативных ходов» [Гацак 1971: 45], потому как эпическое знание шире исполненного текста.

Источники

РО БВФ СПбГУ. Calm. С 4 — Рукописный отдел Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Calm С 4. Inventory No. 1834. Old call number XyIQ 544. Golstunsky Collection (1862). No. 3 (Джангара (список М[ало] дербетовского улуса)). 74 л. Рукопись на ойратск. письм.

Sources

The Jangar. Oirat manuscript copy of the narrative recorded in Maloderbetovsky Ulus. 74 p. At: St. Petersburg State University. Faculty of Asian and African Studies. Manuscript Department of the Library. Calm С 4. Inv. no. 1834. Old call number XyIQ 544. Golstunsky Collection (1862). No. 3 (In Oir.)

Литература

- Андреев 1938 — *Андреев Н. П.* Былины. Русский героический эпос. Л.: Советский писатель, 1938. 576 с.
- Астахова 1966 — *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. 290 с.
- Бурыкин 2003 — *Бурыкин А. А.* Страна Бумба в калмыцком эпосе «Джангар»: художественное пространство героического эпоса, идеальное государство и концепт культуры // Серия «Symposium», Образ рая: от мифа к утопии. Выпуск 31. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 198–204.
- Гацак 1971 — *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса: сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 7–46.
- Гацак 1989 — *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.
- Джангар 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой; сверка текстов песен с оригиналом на «ясном письме» Б. Б. Горяевой, Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; перевод Т. А. Михалевой; примеч., коммент., словарь, указатели Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой; отв. ред. Г. Ц. Пюрбе-ев, С. Ю. Неклюдов, В. В. Куканова. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с. (Свод калмыцкого фольклора).
- Догшин Шар Гүргүһин бөлг 1864 — Догшин Шар Гүргүһин бөлг // Убаши хун-тайджин туджи, народная калмыцкая поэма «Джангара» и Сиддиту кюрыйн тууль / сост. К. Голстунский. СПб.: Литограф. Иконникова, 1864. С. 7–38. На ойратск. письм.
- Жаңһр 1978, 1 — Жаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1. 441 с.
- Жаңһр 1978, 2 — Жаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 2. 417 с.
- Жаңһр 2018 — Хальмг баатрлг дуулвр «Жаңһр»: Шавалин Даван дүһргин шинжлт болн текстмүд (= Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева). Элиста: КалМНЦ РАН, 2018. 264 с.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 725 с.
- Кузьмина 2000 — *Кузьмина Е. Н.* О степени устойчивости эпической традиции бурят // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 77–84.
- Кузьмина 2001 — *Кузьмина Е. Н.* Систематизация типических мест эпоса сибирских народов (к постановке проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 3. С. 42–47.
- Кузьмина 2005 — *Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса сибирских народов (алтайцев, бурят, хакасов, шорцев, тувинцев, якутов). Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.
- Миллер 1895 — *Миллер В. Ф.* Русская былина, её слагатели и исполнители // Русская мысль. 1895. № 9, 10. С. 143–160.
- Онежские былины 1873 — Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 732 с.
- Пропп 1954 — *Пропп В. Я.* Язык былин как средство художественной изобразительности // Ученые записки ЛГУ. Л.: изд-во ЛГУ, 1954. № 173. С. 381–399.
- Путилов 1997 — *Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Вост. лит., 1997. 295 с.
- Селиванов 1963 — *Селиванов Ф. М.* Традиционные формулы русского эпоса (К вопросу о его исторической основе): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1963. 20 с.
- Соколов 1929 — *Соколов Б. М.* Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу // Художественный фольклор / Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН; под ред. Ю. Соколова. М.: Гос. академия худож. наук, 1929. С. 9–35.
- Ухов 1957 — *Ухов П. Д.* Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 2. АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); [редкол.: М. О. Скрипилев (отв. ред.) и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 129–154.
- Ухов 1970 — *Ухов П. Д.* Атрибуции русских былин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 152 с.

References

- Andreev N. P. *Bylinas: The Russian Heroic Epic*. Leningrad: Sovetskiy Pisatel, 1938. 576 p. (In Russ.)
- Astakhova A. M. *Bylinas. Research Outcomes and Problems*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 290 p. (In Russ.)
- Burykin A. A. The country of Bumba in the Kalmyk epic of Jangar: artistic space of the heroic epic, ideal state and cultural concept. In: Symposium, Image of Paradise — From Myth to Utopia. Vol. 31. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2003. Pp. 198–204. (In Russ.)
- Gatsak V. M. Epic taleteller and his text. In: Textual Studies of the Epic. Collected Papers. Moscow: Nauka, 1971. Pp. 7–46. (In Russ.)
- Gatsak V. M. *Oral Epic Tradition in Time: A Historical Study of Poetics*. Moscow: Nauka, 1989. 256 p. (In Russ.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. Epic Repertoire of Dava Shavaliev: A Study and Texts. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 264 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. Texts of 25 Songs. A. Kichikov (comp.); G. Mikhaylov (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1978. Vol. 1. 441 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. Texts of 25 Songs. A. Kichikov (comp.); G. Mikhaylov (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1978. Vol. 2. 417 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. The Baga Dorbet Cycle. B. Mandzhieva (foreword); B. Goryaeva, B. Mandzhieva, Ts. Seleeva (translit.); T. Mikhaleva (transl.), etc.; G. Pyurbeev, S. Neklyudov, V. Kukanova (eds.). Moscow: Pervaya Obraztsovaya tipografiya, Chekhovskiy Pechatnyy Dvor, 2020. 544 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kuzmina E. N. Stability of the Buryat epic tradition revisited. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2000. No. 3. Pp. 77–84. (In Russ.)
- Kuzmina E. N. Systemizing typical passages from Siberian epic traditions: preliminary insights. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2001. No. 3. Pp. 42–47. (In Russ.)
- Kuzmina E. N. The Handbook of Typical Passages from Siberian (Altaian, Buryat, Khakass, Shor, Tuvan, and Yakut) Epic Traditions: An Experimental Edition. Novosibirsk: Siberian Branch of RAS, 2005. 1383 p. (In Russ.)
- Miller V. F. The Russian bylina, its authors and taletellers. *Russkaya mysl'*. 1895. No. 9, 10. Pp. 143–160. (In Russ.)
- Onega Bylinas Recorded by Aleksandr F. Gilferding in the Summer of 1871. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1873. 732 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. The language of bylinas as an artistic means. In: Scholarly Notes of Leningrad State University. Leningrad, 1954. Vol. 173. Pp. 381–399. (In Russ.)
- Putilov B. N. *Epic Taletelling: Typology and Ethnic Specifics*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 295 p. (In Russ.)
- Selivanov F. M. Traditional Formulas of the Russian Epic: The Issue of the Latter's Historical Basis Revisited. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1963. 20 p. (In Russ.)
- Sokolov B. M. The Russian epic: latest works by foreign scholars. In: Sokolov Yu. (ed.) *Artistic Folklore*. Moscow: State Academy of Artistic Sciences, 1929. Pp. 9–35. (In Russ.)
- The Song of Shar Gürgühin the Furious. In: The Story of Ubashi Hong Tayiji, The Kalmyk Folk Poem of Jangar, and The Tale of the Magic Dead Man. K. Golstunsky (comp.). St. Petersburg: Ikonnikov, 1864. Pp. 7–38. (In Oir.)
- Ukhov P. D. *Attributes of Russian Bylinas*. Moscow: Moscow State University, 1970. 152 p. (In Russ.)
- Ukhov P. D. Typical passages (loci communes) as a means to classify bylinas. In: Skripil M. O. et al. (eds.) *Russian Folklore. Materials and Studies*. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. Pp. 129–154. (In Russ.)
- Zhirumsky V. M. *Turkic Heroic Epic*. Leningrad: Nauka, 1974. 725 p. (In Russ.)

